



Патрушев Сергей

Белый призрак

Сергей Патрушев

Белый призрак

«Автор»

2026

Патрушев С.

Белый призрак / С. Патрушев — «Автор», 2026

Когда Дарья и Дэвид наследуют старинное поместье Торнхилл-холл, они надеются на выгодную сделку. Но дом оказывается не просто зданием — это сложный инженерный механизм, питающийся детским страхом. В стенах заперты призраки: обезумевший гений Элайджа, его сестра-невеста Бетси и Белый Призрак, маленькая служанка Элли. Чтобы выжить, супругам придётся спуститься в подземелья, где алхимия встречается с физикой, разрушить Машину боли и провести обряд изгнания. Это история о том, как холодный разум науки сталкивается с первобытным ужасом, а правосудие вершится не законом, но огнём и молитвой во имя тех, чьи голоса навсегда замурованы в камне.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Наследство на холме	5
Глава 2. Дом, который дышит	10
Глава 3. Портрет с секретом	16
Глава 4. Звуки в полночь	24
Глава 5. Исчезающий блокнот	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Белый призрак

Глава 1. Наследство на холме

Старый «Рейндж Ровер» кашлял, захлебывался и стонал так, словно каждый из десяти километров разбитой гравийной дороги отнимал у него год жизни. Дэвид вцепился в руль побелевшими пальцами, пытаясь удержать тяжелую машину в глубокой колее, продавленной лесовозами. За окном мелькали стволы корабельных сосен, смыкавшиеся над дорогой плотным зеленым сводом. Солнце уже цеплялось за их верхушки, окрашивая салон автомобиля в тревожные багровые тона.

Дарья смотрела прямо перед собой. На ее коленях лежала пожелтевшая гербовая бумага с витиеватой печатью нотариуса — уведомление о вступлении в права наследования. Мистер Элайджа Торнхилл, двоюродный дед по материнской линии, которого она видела один раз в глубоком детстве на похоронах собственной бабушки, оставил ей все. Не просто счет в банке или коллекцию фарфора, а этот кусок леса, эту гору и дом, который притаился на самой ее вершине.

— Ты уверена, что мы не заблудились? — голос Дэвида звучал напряженно. Он всегда говорил таким тоном, когда чувствовал потерю контроля. Его мир состоял из ипотечных графиков, квартальных отчетов и переполненного серого офиса в центре мегаполиса. Этот лес был для него враждебной территорией.

— Навигатор умер два километра назад, — ровно ответила Дарья. — Но дорога здесь одна. В конце концов, куда можно ехать по единственной дороге в лесу, кроме как к дому?

Она пыталась сохранить спокойствие, но внутри нее натянулась невидимая струна. Радость от внезапного избавления от долгов за крошечную студию на окраине города давно испарилась, оставив после себя липкую, иррациональную тревогу.

Дорога сделала резкий поворот, вырвавшись из плена деревьев на открытое пространство. И машина встала. Не заглохла — Дэвид вовремя успел нажать на тормоз. Они просто замерли, глядя вверх.

Дом не стоял на холме. Он его подминал под себя. Черная громада викторианской готики, ошестинившаяся десятком каминных труб, похожих на трубы броненосца. Асимметричные башни-бельведеры пронзали небо, кружевное чугунное литье балконов проржавело до цвета запекшейся крови. Фасад, сложенный из темного камня, зарос диким плющом так густо, что казался частью самого ландшафта, древним курганом, случайно принявшим геометрическую форму. Окна первого этажа были заколочены грубыми сосновыми щитами, но стекла верхних этажей тускло отражали умирающий свет дня.

Дэвид заглушил мотор. Наступившая тишина была оглушающей. Исчез гул двигателя, исчез шум ветра в хвое — казалось, сам лес затаил дыхание. Пахло сыростью, прелой листвой и чем-то еще, сладковато-химическим, напоминающим запах старых лекарств.

— Боже мой, Даша... — выдохнул Дэвид. В его голосе больше не было раздражения, только чистый, первобытный страх. — Это же декорация к фильму ужасов. Мы не можем здесь жить. Давай вызовем оценщика, продадим это пепелище и купим нормальную двушку в новостройке. С подземным паркингом.

Дарья открыла дверь. Сухая трава на поляне хрустнула под ее кроссовками. Воздух действительно был ледяным, хотя календарное лето едва перевалило за середину. Она подошла ближе, задрав голову. Каменные горгульи по краям покато́й крыши смотрели на нее слепыми глазницами.

— Это наш дом, Дэвид, — сказала она, не оборачиваясь. — Наш единственный шанс начать сначала. Твоя фирма почти банкрот. Мой контракт истек через неделю. Нам некуда возвращаться. А здесь... здесь хватит места, чтобы дышать.

Ключ, тяжелый, латунный, позеленевший от времени, висел на шелковом шнурке вместе с письмом нотариуса. Замочная скважина находилась под массивным медным молотком в виде головы ворона. Когда Дарья вставила ключ, замок щелкнул с такой неожиданной легкостью, будто механизм смазывали вчера. Массивная дубовая дверь, толщиной в двадцать сантиметров, поддалась со вздохом старой древесины.

Внутри пахло пылью. Настоящей, вековой пылью, которая никогда не знала влажной тряпки промышленного пылесоса. К ней примешивался стойкий аромат воска, табака и сухих роз. Огромный вестибюль поглотил остатки дневного света. Витражное окно-розетка высоко над входом бросало на мраморный пол разноцветные пятна: кроваво-красные, трупно-синие и болезненно-желтые.

Широкая лестница с резными перилами уходила во тьму второго этажа. Справа располагалась гостиная, слева — столовая. Дарья прошла вперед, провела рукой по массивному буфету из красного дерева. Под слоем пыли обнаружилась идеальная полировка. Кто-то ухаживал за этим домом. Кто-то приходил сюда совсем недавно.

— Здесь есть электричество? — крикнул Дэвид с порога. Он топтался на месте, боясь заносить внутрь дорогие кожаные чемоданы. — Я даже телефон поймать не могу. Сети нет.

— Нотариус сказал, что проводка старая, но рабочая, — отозвалась Дарья. — Нужно найти щиток. Наверное, в подвале.

Они двигались по первому этажу, зажигая прихваченные из машины фонарики на телефонах. Лучи выхватывали из мрака тяжелые бархатные шторы, портреты суровых усатых мужчин в золотых рамах, клавиши черного рояля, затянутые тонкой паутиной. Дом дышал. Скрипели несуществующие шаги наверху, где-то далеко капала вода, и постоянно слышался тихий, монотонный шорох, словно тысячи лапок скреблись по штукатурке за стенами.

На кухне они нашли керосиновую лампу. Стекло было идеально чистым. Дарья повернула фитиль, и теплый дрожащий свет залил помещение, мгновенно сделав его уютным. Газовый котел в углу тихо гудел, выдавая тепло. Вода из крана пошла ржавая, но пошла.

Пока Дэвид, чертыхаясь, пытался раскладывать вещи в кабинете на первом этаже — спальню он категорически отверг из-за слишком тяжелого, давящего балдахина, — Дарья решила подняться наверх. Ей нужно было увидеть свою комнату. Комнату, которая по завещанию отходила лично ей.

Ступени лестницы стонали под ногами, но не угрожающе, а скорее жалуясь на вторжение. Второй этаж встретил ее длинным коридором, стены которого были оклеены выцветшими обоями с рисунком из почерневших роз. Двери спален выходили в обе стороны. Все они были заперты на простые английские замки.

Но в самом конце коридора, там, где он упирался в круглую башню, была еще одна дверь. Она отличалась от остальных. Дуб потемнел почти до черноты, бронзовая ручка покрылась коростой окислов, а саму древесину пересекала глубокая вертикальная трещина, забитая чем-то похожим на засохшую смолу.

И от этой двери веяло холодом.

Настоящим, физическим морозом, от которого пар изо рта Дарьи превратился в белое облачко. Летний вечер снаружи плавился от остаточного тепла, но здесь, перед этой дверью, температура упала ниже нуля. Ледяные иголки впились в кончики пальцев, когда Дарья протянула руку к ручке.

— Что ты делаешь? — Дэвид появился сзади бесшумно. Он тоже увидел свое дыхание. — Не надо, Даш. Закрой ее. Просто оставь эту комнату закрытой.

— Почему? — прошептала она, замороженная видом трещины. Ей показалось, что оттуда сквозит не просто холодный воздух, а само время. — Она единственная открыта. Остальные я пробовала — запорты наглухо. Ключ остался только от этой.

— Мне не нравится этот дом, — честно признался Дэвид. — Мне не нравится, как он смотрит. Чувствуешь? Как будто кто-то стоит за спиной.

Ощущение взгляда между лопаток стало невыносимым. Дарья резко обернулась. Коридор позади был пуст. Только тени от керосиновой лампы в ее руке метались по стенам, искажая пропорции. Портрет седого мужчины с бакенбардами на стене вдруг показался живым — уголок его нарисованного рта дернулся вниз в презрительной гримасе.

Дарья снова повернулась к черной двери. Страх боролся в ней с каким-то болезненным любопытством, с чувством странного родства. Дед Элайджа жил здесь один тридцать лет. Что он прятал в этой комнате?

— Я войду, — сказала она.

Замок щелкнул без сопротивления. Дверь открылась внутрь, увлекая за собой волну стылого воздуха.

Комната оказалась детской. Или комнатой безумца.

Стены от пола до потолка были покрыты сложной резьбой. Но это не были узоры мастеров-резчиков. Дерево покрывали сотни, тысячи переплетенных человеческих фигур. Мужчины, женщины, дети, животные — они сливались друг с другом в бесконечном акте совокупления, боли и экстаза. Резьба была настолько мелкой и детальной, что казалась живой; при свете фонарика казалось, что мышцы на деревянных телах сокращаются. В центре этого деревянного ада, прямо напротив входа, висела огромная кровать под истлевшим балдахинном.

А посреди кровати сидела кукла.

Она была ростом с пятилетнего ребенка, сделанная из фарфора старинной выделки. Девочка в голубом шелковом платье. Ее стеклянные глаза следили за каждым движением Дарьи. Но самым страшным было лицо. Кукольник потратил невероятное мастерство, чтобы изобразить абсолютное, нечеловеческое страдание. Левый глаз куклы был полуприкрыт, уголки губ опущены, а на фарфоровой щеке темнело пятно, поразительно точно имитирующее старый синяк.

Дарья шагнула внутрь. Холод здесь был почти твердым. Он обжигал легкие.

— Господи Иисусе, — выдохнул за ее спиной Дэвид. — Это какой-то музей пыток. Выходим. Немедленно.

Он схватил жену за локоть, но Дарья сбросила его руку. Ее внимание привлек предмет, лежавший на прикроватном столике рядом с куклой. Старинный медицинский саквояж из телячьей кожи. Рядом с ним стояла бутылка темно-зеленого стекла и стакан. Жидкость внутри стакана давно высохла, оставив на стенках рыжий кальциевый налет.

— Он умер здесь, — тихо сказала Дарья. — Прямо в этой постели. Нотариус написал, что смерть наступила во сне от естественных причин. Ему было девяносто три.

— От инфаркта убегают в теплые страны, а не запираются в холодильнике с сатанинскими игрушками, — нервно огрызнулся Дэвид, пятясь к выходу. — У твоего деда были серьезные проблемы с головой. Пойдем отсюда. Мы будем спать в гостиной. На диване.

Они закрыли дверь. Замок щелкнул, отрезая волну мертвого холода. Но ощущение чужого присутствия никуда не делось. Оно лишь сменило дислокацию. Теперь оно спускалось сверху, с третьего, нежилого мансардного этажа, где гулял ветер и хлопали незакрепленные листы кровли.

Спустившись вниз, они молча поужинали консервированным супом, разогретым на походной газовой плитке. Свет дали только к полуночи — пара голых лампочек Ильича под потолком вспыхнула желтым, моргая в унисон с порывами ветра за окном. Электричество

работало, но зарядки на телефонах таяли с пугающей скоростью, садясь вдвое быстрее обычного.

Первую ночь Дарья попыталась устроиться на скрипучем кожаном диване в кабинете. Дэвид сидел в кресле, сжимая в руках тяжелый чугунный канделябр, который он снял со стены. Сон не шел. Каждый раз, стоило Дэвиду закрыть глаза, дом издавал новый звук: то долгий, протяжный стон старых перекрытий, то звук осторожных шагов по чердаку прямо над их головами, то тихий детский плач, доносящийся, казалось, из вентиляционных решеток.

Ближе к трем часам ночи Дарья поняла, что больше не может лежать. Одеяло сбилось, кожа покрылась мурашками, хотя центральное отопление работало на полную мощность. Она села, кутаясь в старую шерстяную шаль, найденную в ящике комода. Взгляд ее упал на письменный стол деда.

Поверхность стола была абсолютно пустой, если не считать тяжелой чернильницы и пресс-папье. Но дерево вокруг замка верхнего ящика было стерто. Десятилетиями чьи-то пальцы касались именно этого места.

Дарья осторожно потянула ящик на себя. Он открылся беззвучно. Внутри не было бумаг или счетов. На дне, на подложке из бордового бархата, лежал один-единственный предмет.

Медицинский стетоскоп старого образца, с двусторонней головкой. Металл пожелтел от йода и времени. Рядом с ним — стопка тонких картонных карточек. Дарья взяла верхнюю. Плотный картон, каллиграфический почерк:

«Пациент № 402. Анна-Мария. Шесть лет. Диагноз: кататонический ступор. Назначено: изоляция, фиксация, гидротерапия (температура воды +4°C). Прогноз: безнадежна».

Следующая карточка:

«Пациент № 415. Себастьян. Восемь лет. Диагноз: острая деменция травматического генеза. Агрессивен. Попытка побега пресечена. Назначено лоботомия. Инструмент подготовлен».

Дарья перебрала всю стопку. Двадцать семь имен. Дети. Все карточки заканчивались одной датой: семнадцатое октября тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года. И короткой пометкой, выведенной другой, нервной рукой поверх ровного почерка врача: *«Они перестали кричать. Теперь они поют».*

Холод коснулся затылка. Дарья медленно подняла голову. Зеркало в тяжелой раме над камином, которое до этого момента просто отражало желтый свет пыльной лампочки, пошло рябью. Изображение исказилось. Гостиная в зеркале стала глубже, темнее, а лампа превратилась в тусклый газовый рожок.

Из глубины зазеркалья, из-за плеча собственного отражения, на Дарью смотрел старик. Тот самый, с портрета в коридоре — Элайджа Торнхилл. Только теперь его глаза не были нарисованными. Белесые, мутные бельма уставились прямо на нее, а рот расплзался в широкой, приглашающей улыбке.

Его сухие, похожие на птичьи когти руки легли на плечи отражению Дарьи.

Воздух в комнате стремительно кончился. Лампа под потолком лопнула с сухим треском, погрузив кабинет в кромешную тьму. В ту же секунду откуда-то сверху, из-под самых стропил, грянул хор. Сотни детских голосов, чистых и звонких, затаились колыбельную. Мелодия была невыразимо прекрасной и абсолютно неправильной, потому что ни одно человеческое горло не способно издавать звуки такой частоты и силы одновременно в заброшенном доме.

Дэвид вскрикнул, роняя канделябр. Железо ударилось о паркет. Хор оборвался на верхней ноте.

Тишина вернулась, став плотной, осязаемой, звенящей в ушах.

Дарья сидела неподвижно, вслушиваясь в бешеный стук собственного сердца. Медленно, стараясь не делать резких движений, она снова посмотрела в зеркало. Там была только она. Помертвевшая от ужаса женщина с растрепанными волосами. Темнота за ее спиной была пуста.

— Что это было? — прохрипел Дэвид из угла. Его голос сорвался. — Что это за гребанный дом, Даша?

Дарья не могла ответить. Она смотрела на свои ладони. Они были ледяными. И дело было не в сквозняке. Холод исходил изнутри, поднимаясь от желудка к груди, заполняя собой те пустоты, которые раньше занимали мечты о новой жизни, ипотека и офисная рутина.

Этот дом не хотел их пугать. Старый викторианский особняк на холме вообще не воспринимал их как живых людей. Для этих черных стен, для пропахшего карболкой дерева и для мертвых детей, поющих в вентиляции, Дарья и Дэвид были всего лишь новыми экспонатами. Свежими пациентами, прибывшими на вечную госпитализацию.

Она аккуратно положила медицинские карточки обратно в ящик и задвинула его. Затем встала, перешагнула через скорчившегося мужа и вышла в темный коридор.

Ее босые ноги сами понесли ее к лестнице. Вверх, мимо спальни с тяжелым балдахином, мимо десятков закрытых дверей. К той самой черной двери в торце коридора, от которой тянуло могильным холодом.

Пальцы сами сомкнулись на ледяной бронзе ручки. Дарья не чувствовала страха. Место животного ужаса заняла звенящая, ясная пустота. Она понимала, почему мистер Элайджа Торнхилл прожил здесь один до девяноста трех лет и умер счастливым. Чтобы выжить в этом доме, нужно было перестать быть человеком. Нужно было позволить чему-то другому смотреть на мир сквозь твои глаза.

За дверью, в комнате, заполненной запахом антисептиков и гниющих роз, фарфоровая девочка с подбитым глазом ждала ее визита. Она перестала плакать много десятилетий назад. Теперь она хотела научить Дарью петь.

Дарья нажала на ручку, открывая путь в наследство.

Глава 2. Дом, который дышит

Утро не принесло облегчения. Оно просочилось сквозь щели в заколоченных окнах первого этажа серой, болезненной взвесью, превратив пыльный воздух кабинета в подобие мутной воды. Дэвид сидел на краю дивана, сгорбившись и обхватив голову руками. Его дорогой костюм для переездов помялся, а под глазами залегли густые фиолетовые тени. Он выглядел старше лет на десять.

Дарья стояла у окна гостиной, глядя на мокрый от утренней росы гравий подъездной дорожки. Хор детских голосов больше не звучал, но тишина дома давила на барабанные перепонки сильнее любого шума. Она физически ощущала вес этого здания — миллионы тонн старого камня, черного дерева и скрытого безумия, нависшие над их головами.

— Это был сон, — глухо произнес Дэвид, не поднимая глаз. — Массовая галлюцинация из-за усталости и нехватки кислорода. Старые дома, спертый воздух... Вентиляции тут нет со времен царя Гороха. Мы надышались плесени.

— У нас была нехватка кислорода одновременно? — Дарья обернулась. Ее голос звучал ровно, почти отстраненно, что пугало Дэвида гораздо больше, чем если бы она кричала. — Ты сидел в углу с канделябром. Я нашла медицинские карты твоего прадеда. Или двоюродного деда. Двадцать семь детей, которых он замораживал заживо во имя науки. Тела мы пока не нашли, но они где-то здесь, Дэвид. Стены просто пропитаны этим.

Дэвид поднял на нее воспаленные глаза. В них плескался первобытный страх мужчины, чей мир рушится, а привычные инструменты логики отказываются работать.

— Не называй его моим родственником, — отрезал он. — Моя фамилия Миллер. Этот сумасшедший мясник к моей крови отношения не имеет. И я отказываюсь верить в поющие вентиляции. Нам нужно вызвать полицию. Сказать, что мы вскрыли комнату, нашли документы о пропавших детях...

— И что мы им скажем? — перебила Дарья. — Что наследники приехали в старый дом, испугались сквозняка и решили упечь единственного владельца в тюрьму посмертно? У нас есть завешание. Юридически этот дом чист. Если мы вызовем копов или репортеров, сюда набегут черные риелторы и мародеры. К тому моменту, как следствие разберется, что дети умерли задолго до рождения Элайджи, от поместья останутся только голые стены. Эта земля стоит миллионы, Дэвид. Лес, вид, удаленность от города. Это наш единственный билет в нормальную жизнь. Нужно просто... потерпеть. Навести порядок.

Слово «порядок» прозвучало в этой гулкой комнате как издевательство. Но оно сработало. Дэвид Миллер был человеком алгоритмов. Хаос парализовал его, структура возвращала способность двигаться. Он медленно кивнул, тяжело поднялся и поплелся на кухню.

— Сначала кофе, — буркнул он. — Потом ищем щиток в подвале. Если котел работает, значит, проводка жива. Будем разбирать коробки внизу. На второй этаж ни ногой. Третий тем более. Ту детскую спальню заварим снаружи стальными листами.

День начался с попыток вернуть дому статус недвижимости. Они работали молча, разделившись. Дэвид таскал из машины оставшиеся тюки, вооружившись молотком и фомкой сбивал доски с окон библиотеки. Дарья осталась внутри, пытаясь победить вековую грязь.

Она открыла тяжелые бархатные шторы в столовой. Сквозь грязное стекло открылся потрясающий вид: бескрайнее зеленое море тайги, прорезаемое серебряной лентой далекой реки. Солнце наконец пробило пелену тумана, заливая массивный дубовый стол потоками золотого света. На мгновение Дарье показалось, что она ошиблась. Что вчерашний кошмар был лишь следствием дорожной усталости. Дом был величественным. Мрачным, да, но полным достоинства.

Эта иллюзия рассыпалась в прах ровно в одиннадцать утра.

Они завтракали консервированным беконом, разогретым на походной плитке прямо посреди огромной кухни. Дэвид пытался шутить про апокалиптический кемпинг, когда сверху, с третьего этажа, раздался звук. Это был не скрип балок. Это был четкий, ритмичный, тяжелый удар металла о дерево. Бам. Пауза. Бам. Пауза. Словно кто-то методично забивал гвоздь.

Дэвид замер с вилкой в руке. — Слышала? — Да. — Чердак. Там старые вещи. Может, ставни бьет ветром. — Ставни изнутри чердака? — Дарья отложила вилку. Звук прекратился так же внезапно, как и начался. — Пойдем посмотрим.

— Исключено, — Дэвид побледнел. — Даша, я серьезно. Мой лимит героизма на эту неделю исчерпан вчера ночью. Там сгнивший пол. Провалишься — переломишь позвоночник. Пусть себе гремит.

Он остался на кухне, демонстративно громко звеня посудой, чтобы заглушить собственные страхи шумом бытовой рутины. Дарья вышла в вестибюль. Лестница на третий этаж казалась пастью голодного зверя. Перила покрывал слой жирной, липкой пыли. С каждым шагом вверх подошвы ее кроссовок тяжелели, словно притягиваемые невидимым магнитом.

Чердачная дверь была закрыта на массивную железную щеколду. Дерево вокруг нее было исцарапано глубокими бороздами — не когтями животных, а ногтями человека, пытавшегося выбраться наружу или, наоборот, удерживающего кого-то внутри. Щеколда поднялась неожиданно легко. Петли даже не скрипнули.

Здесь пахло горячим битумом, старой ватой и сухим птичьим пометом. Свет лился через круглое слуховое окно, освещая клубы пляшущей в воздухе пыли. Чердак представлял собой идеальный прямоугольник, заваленный призраками прошлого. Под скошенными сводами крыши стояли ряды деревянных манекенов без голов. Вдоль стен громоздились клетки для почтовых голубей, ржавые остовы детских колясок начала века и десятки сундуков.

Звук удара исходил из дальнего левого угла.

Дарья пошла на него, переступая через горы пожелтевших газет. Источник звука оказался старинным пианино красного дерева. Крышка инструмента была откинута, обнажая пожелтевший костяной ряд клавиш. Одна из педалей — правая, демпферная — медленно опускалась вниз и с тяжелым стуком билась о деревянное дно корпуса. Сама по себе. В абсолютно неподвижном воздухе.

Дарья присела на корточки. Педаль жила своей жизнью. Она поднималась сантиметра на три, замирала на долю секунды и снова падала с глухим, безнадежным звуком. Бам. Выдох. Бам. Механика внутри пианино тихонько вибрировала, издавая низкий, утробный гул, похожий на урчание огромного пустого желудка.

— Что ты делаешь? — прошептала Дарья, обращаясь к дереву.

Педаль в ответ упала чуть быстрее. Гул стал громче. По деке инструмента прошла едва заметная дрожь. Дарья протянула руку и коснулась черной клавиши «Ля». Кожа ощутила странное тепло. Инструмент не был мертв. Он ждал.

Внезапно крышка пианино с оглушительным треском захлопнулась, едва не отдавив Дарье пальцы. Воздух взорвался движением: сотни вороньих перьев, хранившихся в соседнем сундуке, взметнулись вверх серым смерчем. Из глубины чердака метнулась тень — быстрая, угловатая, размером с крупную собаку. Что-то маленькое и тяжелое покатилося по наклонному полу и застряло у ботинка Дарьи.

Это был стеклянный глаз. Человеческий, светло-голубой, с нарисованной сосудистой сеткой. Рядом лежал второй.

Дарья вылетела с чердака, едва не сорвав щеколду. Она скатилась по лестнице, влетела в кухню. Дэвид стоял у стола с кухонным ножом в руке. Лицо его было белым как мел.

— Там... пианино, — выдохнула Дарья, опираясь о косяк. — Оно само играет. И там глаза. Человеческие глаза, Дэвид.

Дэвид посмотрел на нож в своей руке, покраснел и швырнул его в раковину. Металл жалобно звякнул. — Все, — сказал он севшим голосом. — Хватит. Собирай самое необходимое. Документы, зарядки, воду. Мы уезжаем. Прямо сейчас. Остановимся в мотеле в ближайшем городке, найдем нормального маклера. Продадим это дьявольское место за бесценок, хоть кому-нибудь. Церкви, сатанистам, мне все равно. Психическое здоровье дороже.

— Мы не поедem в мотель, — тихо ответила Дарья. — Ближайший город в сорока километрах. Дорогу после дождя развезет так, что твой внедорожник сядет на брюхо в первой же луже. Без полного бака, без припасов, без связи. А ночи становятся холодными. Ты хочешь ночевать в заглохшей машине посреди леса, слушая, как ветки скребут крышу?

Это был запрещенный прием. Дэвид ненавидел беспомощность. Он опустилcя на стул, закрыв лицо руками.

— Тогда что нам делать, Даша? Как бороться с домом, который хочет нас убить? — Никак, — она села напротив. — Мы не будем с ним бороться. Мы станем частью его интерьера. Мы примем правила игры.

Чтобы доказать серьезность своих намерений — скорее себе, чем мужу — Дарья развернула рулон плотных обоев, найденных в кладовке, и приклеила его скотчем к стене кухни. Поверх она положила дорогую ручку, которую Дэвид привез из последней командировки в Цюрих.

— Что это? — спросил он, шмыгнув носом. — Блокнот странностей, — сказала Дарья. — Наш журнал наблюдений. Эпистемологический протокол выживания. Если мы сошли с ума, бумага покажет прогрессию болезни. Если дом реален, мы составим карту угроз. Никаких эмоций. Только факты. Время, место, описание события. Холод — фиксируем температуру термометром. Звуки — описываем децибелы и частоту, насколько сможем. Перемещения предметов.

— Перемещения предметов? — переспросил Дэвид. — Ключи, — Дарья посмотрела ему прямо в глаза. — Помнишь связку? От входной двери, от калитки и от подвала. Утром, когда ты пошел открывать машину, я оставила их на этом самом столе. Под пресс-папье. Чтобы не потерять. Я отвернулась буквально на секунду, чтобы взять тряпку. Когда я повернулась обратно, ключей не было. Мы перевернули всю кухню. Их нигде нет.

Дэвид недоверчиво хмыкнул, машинально хлопая себя по карманам. — Наверное, выпали, когда я нес коробку с инструментами. Надо проверить в салоне машины.

Он вышел. Дарья осталась сидеть перед чистым листом обоев. Прошло пять минут. Десять. Дэвид вернулся, раздраженно пиная порог. — В машине пусто. В траве тоже. Может, закатилась под диван? — Диван я обыскала трижды. Вместе с подушками.

Они потратили следующие сорок минут на тотальный обыск кухни, коридора и кабинета. Связка из трех тяжелых латунных ключей испарилась. Пространство вело себя неправильно. Геометрия комнат казалась стабильной, но материя внутри них стала текучей.

Дарья уже занесла руку над бумагой, готовясь записать первую строчку: «11:45. Исчезновение объекта (ключи). Обстоятельства: взгляд отведен на 3 секунды», когда из ванной комнаты на втором этаже донесся торжествующий, почти истеричный крик Дэвида.

— Нашел?! — Дарья бросилась к лестнице, перескакивая через две ступени.

Дэвид стоял в разгромленной ванной. Он успел снять доски с высокого узкого окна, и комната купалась в свете. Раковина на львиных лапах была заполнена осколками зеркала, которые Дэвид только что выгреб оттуда. Он держал ключи в высоко поднятой руке. Вода еще капала с латуни.

— Они были в сливе раковины, — проговорил он, и губы его дергались. — В сифоне. Мне пришлось раскрутить чертову трубу разводным ключом. Как они туда попали, Даша? Я понимаю сквозняк. Я понимаю, что мог выронить их в траву. Но запихнуть тяжелую связку в решетку слива, да еще так глубоко, что пришлось разбирать канализацию... Кто это сделал?

Дарья взяла у него ключи. Металл был ледяным, хотя пролежал в горячей воде. Она не стала отвечать на вопрос. Вместо этого она вернулась на кухню, аккуратно вывела дату наверху листа и зафиксировала: *«09 сентября, 12:30. Объект: связка ключей (3 ед.). Место первоначальной дислокации: столешница кабинета (фиксировано визуально обоими субъектами). Место обнаружения: сифон ванной комнаты второго этажа (фиксировано субъектом Д.М. при демонтаже трубопровода). Вероятность естественной миграции: стремится к нулю. Требуемое действие для перемещения: использование инструментов, преодоление гидрозатвора. Субъективное ощущение: осознанное противодействие».*

Она оторвала кусок обоев с записью и показала Дэвиду. — Теперь это факт, — сказала она. — Зафиксированный двумя свидетелями и физическим трудом. Это не маразм. Это дом. Он тасует предметы. Пока что мелкие. Предупреждает.

Дэвид долго смотрел на кривые строчки, выведенные на дешевой бумаге. Затем его инженерный мозг, привыкший решать нерешаемые задачи проектирования мостов, щелкнул. Страх никуда не делся — он висел за плечами тяжелой бетонной плитой, — но паника отступила перед лицом конкретной проблемы. — Ладно, — кивнул он. — Журнал. Хорошо. Правила. Первое правило: ничего не брать из детской комнаты. Ни книг, ни кукол, ни мебели. Дверь опечатываем. Второе: работаем только на первом этаже и в подвале. Третье: каждый вечер инвентаризация. Перед сном проверяем положение всех крупных объектов. Стол, комод, кресла. Если утром кресло окажется повернуто к камину — мы знаем, что не одни. — Четвертое, — добавила Дарья. — Огонь. Свечи вместо ламп, где можно. Электричество здесь... искрит. Я чувствую, как провода под напряжением гудят иначе. Как живые нервы.

Остаток дня прошел в лихорадочной работе. Они действовали как команда саперов. Дэвид занялся генератором в отдельно стоящем кирпичном сарае — старенький дизель чихал, но давал ток, позволяя запустить скважинный насос. Вода полилась ржавая, но напор был хорошим. Дарья спустилась в подвал.

Подвал Торнхилла напоминал катакомбы. Низкие кирпичные своды, поддерживаемые чугунными колоннами, уходили в темноту. Здесь запах лекарств был невыносим. Карболка, формалин и йод смешивались с запахом влажной земли. По стенам шли толстые медные трубы отопления.

Дарья шла вдоль стеллажей. Банки с заспиртованными органами. Нет, не органы. Плоды. Ряд за рядом стеклянных банок, наполненных желтоватым формалином. Зародыши на разных стадиях развития: от крошечного пятисантиметрового существа с хвостиком до почти сформировавшегося младенца с закрытыми глазами. Каждый был подписан каллиграфическим почерком Элайджи: *«Эксперимент № 14. Срок 12 недель. Реакция на акустику удовлетворительная».*

Ее желудок сжался в тугой узел. Она заставила себя идти дальше. Паника исследователя боролась с ужасом живого человека. На дальнем стеллаже она нашла то, что искала — бухгалтерские книги. Кожаные гроссбухи, датированные концом девятнадцатого века.

Она раскрыла первый попавшийся. Внутри велись записи пациентов. Но это была не частная практика. Это был реестр имущества. Напротив имен стояли даты поступления, диагнозы и... стоимость содержания. А в крайней правой колонке — графа «Выбытие». Напротив имени «Анна-Мария (№ 402)» стояло: *«Передача биоматериала в анатомический театр Кембриджа. Оплата получена».* Напротив «Себастьяна (№ 415)»: *«Нейротоксический эксперимент (препарат "L-7"). Летальный исход. Череп передан музею судебной медицины».*

Элайджа не лечил этих детей. Он поставлял человеческие запчасти в лучшие университеты Европы и Америки. Викторианская эпоха прикрывала работорговлю фасадом просвещения.

— Нашла что-то полезное? — голос Дэвида заставил ее подпрыгнуть. Он спускался по ступеням, светя мощным фонарем. Луч высветил ряды банок, и Дэвид осел на ступеньку ниже,

хватая ртом воздух. — Мать Божья... Это морг? — Это лаборатория, — глухо ответила Дарья, закрывая книгу. — Дедушка был очень уважаемым нейрофизиологом. Академиком. Королевское общество наук, медали, почетные грамоты. А в свободное время резал сирот.

Она сунула самый тонкий гроссбух под мышку. — Зачем ты это тащишь? — простонал Дэвид. — Сожги. Давай все сожжем. — Нет. Это рычаг давления. Если местные власти знали, куда исчезают дети из окрестных деревень, мы можем похоронить этот дом вместе с мэром городка. А теперь помоги мне. Нужно найти распределительный щит. Здесь сыро, скоро начнет коротить.

Электрощиток обнаружился за фальшивой кирпичной стеной. Медные шины толщиной в палец покрылись ядовито-зеленой патиной. Искрило в трех местах. Дэвид, надев прихваченные из машины нитриловые перчатки, начал методично затягивать клеммы, попутно составляя схему сети на обороте какого-то чертежа фундамента.

— Старая проводка греется, — констатировал он. — Еще немного, и изоляция расплавится. Будет фейерверк. Завтра придется ехать в город за кабелем. Автоматы тоже мертвые, стоят современные жучки. Экономил, ублюдок.

К вечеру они закончили. Первый этаж приобрел видимость жилого помещения. В кабинете горел камин, разгоняя сырость. На керосинке варился кофе. Усталость свинцовой тяжестью заливала мышцы, но спать никто не хотел. День сменился ночью стремительно, без сумерек. Просто лес за окнами перестал быть зеленым и стал сплошным черным провалом.

Дарья сидела за столом перед своим «Блокнотом странностей». Записи пополнялись: *«16:10. Генератор в сарае. Попытка остановки двигателя вручную (субъект Д.М.) провалилась. Перекрытие топливного крана привело к росту оборотов на 15% в течение 40 секунд, затем резкое падение. Агрегат функционирует вопреки законам механики».* *«18:00. Библиотека. Книга "Анатомические атласы" (издание 1888), снятая с верхней полки, оказалась теплой на ощупь (+38°C по тактильной оценке), несмотря на общую температуру помещения (+16°C)».*

— Почитай вслух, — попросил Дэвид. Он устроился в кресле, завернувшись в два шерстяных одеяла, хотя у огня было жарко.

Дарья перелистнула страницу назад, к началу списка. — Девять утра. Пианино на чердаке. Самостоятельная работа педали. Частота примерно один удар в две секунды. После физического контакта частота увеличилась. При попытке извлечь посторонние предметы (глаза) инструмент применил физическое воздействие... — Звучит как отчет о встрече с инопланетным кораблем, — нервно усмехнулся Дэвид. — «Объект проявил агрессию». Знаешь, что самое страшное? То, что мы пишем это совершенно буднично. Три часа назад я думал, что мой главный стресс — это налоговая проверка.

В этот момент свет мигнул. Раз, другой. Лампа Ильича под потолком вспыхнула неестественно ярко, почти добела, нить накаления натянулась до звона.

Затем электричество отключилось. Генератор в сарае издал последний предсмертный хрип и затих. Дом погрузился в абсолютную темноту, разбавляемую только багровым светом углей в камине.

Тишина наступила мгновенно. Пропал фоновый гул проводов. Пропал редкий капающий звук в трубах. Дом задержал дыхание.

А потом началось.

Сначала это был шепот. Едва уловимый, многоголосый, он шел от стен. Кабинет был окружен сотнями людей, говорящих одновременно на латыни. Дарья знала латынь достаточно хорошо, чтобы разобрать отдельные корни слов: *cerebrum* (мозг), *scalpellum* (скальпель), *dolor* (боль).

Шепот становился громче, сплетаясь в единый требовательный гул. Температура в комнате рухнула. Пар изо рта повалил клубами. Угли в камине начали покрываться сизым пеплом, ссыживаясь от холода.

— Он идет, — прошептал Дэвид. Его зубы выбивали дробь. — Тот, из зеркала.

И тогда Дарья сделала то единственное, что пришло ей в обезумевший от ужаса мозг. Она схватила карандаш и открыла чистую страницу блокнота. Шепот душил, тьма давила на глазные яблоки, но рука продолжала писать, выводя буквы ровным, учительским почерком:

[Время неразборчиво] [Температура пола +2 градуса Цельсия. Дыхание затруднено.] [Феномен: Массовый акустический резонанс. Источник локализован в толще капитальных стен.] [Содержание послания: требование присутствия. Повторяющийся семантический конструкт: "Мы ждем материала".] [Действие субъекта: фиксация протокола продолжается. Гипотеза: акт письма является актом отрицания смерти. Пока ведется запись, наблюдатель остается субъектом, а не объектом исследования.]

Гул достиг крещендо. Стекла книжных шкафов мелко задребезжали. Один из пузырьков с заспиртованным зародышем на полке позади Дэвида лопнул с тихим хлопком, оросив обоим формалином.

И вдруг все кончилось.

Не стихло постепенно, а обрезалось ножом. Тепло камина вернулось взрывной волной, едва не опалив брови. Воздух снова стал пригодным для дыхания. Шепот исчез, оставив после себя звон в ушах и привкус крови на языке.

Они сидели в полной тишине, боясь пошевелиться. Первым подал признаки жизни телефон Дэвида, валявшийся на столе. Экран зажегся, показывая 0% заряда, но на нем всплыла фотография. Та, которой не было в галерее.

Черно-белый снимок. Огромная операционная лампа бьет в камеру, засвечивая половину кадра. На переднем плане, спиной к объективу, стоит человек в старомодном хирургическом фартуке. Его руки по локоть в крови. В правой руке зажат предмет, отдаленно напоминающий детский череп, вскрытый подобно кокосовому ореху. Изнутри что-то тускло блестит.

Дэвид с воплем отбросил телефон. Аппарат пролетел через всю комнату и ударился о стену, экран разлетелся вдребезги.

Дарья не смотрела на мужа. Ее взгляд был прикован к странице блокнота. Той самой, где она писала в темноте, практически наощупь.

Запись изменилась.

Ее собственный, знакомый почерк обрывался на словах «объектом исследования». А ниже, другим цветом — графит был не серым, а жирно-черным, лоснящимся — было дописано всего одно предложение. Буквы были острыми, готическими, нацарапанными с такой силой, что продавили бумагу почти насквозь:

«Очень хороший материал. Начнем завтра».

Дарья медленно подняла глаза. Взгляд ее упал на шею Дэвида. Тонкая кожа, под которой часто пульсировала артерия.

Она поняла главное правило этого дома, которое следовало вписать на обложку блокнота самыми крупными буквами. Правило номер ноль, предшествующее выживанию:

Дом никогда не играл с ключами. Он изучал их реакцию. Проверял границы дозволенного.

А сегодня вечером он взял кровь. Лопнувшая банка с формалином была подписью. Договор скреплен. Лаборатория в подвале вновь открывала набор персонала.

Глава 3. Портрет с секретом

Сон не пришел. Он даже не заглянул в приоткрытую дверь кабинета, где на диване ворочался Дэвид, а Дарья сидела в кресле у остывающего камина, закутавшись в колючее армейское одеяло из запасов Элайджи. После полуночи дом затих окончательно, но эта тишина была хуже любого шепота. Она напоминала выжидательную паузу хищника перед прыжком.

Дарья смотрела на страницу блокнота. Жирные, продавившие бумагу буквы чужого ответа горели в полумраке. *«Очень хороший материал. Начнем завтра»*. Карандаш все еще был зажат в ее онемевших пальцах. Она разжала их только тогда, когда первые лучи солнца, бледные и больные, пробились сквозь щели в досках окон библиотеки.

Дэвид проснулся от того, что его трясли за плечо. — Что? — он подскочил, роняя одеяло, рука инстинктивно потянулась к тому месту на шее, куда вчера метился осколок банки. — Оно снова началось? — Нет, — голос Дарьи звучал сухо, как осенняя листва. — Начинается сегодня. Вставай. Нам нужно поговорить с дедушкой.

Портретная галерея находилась на втором этаже, над вестибюлем. Чтобы попасть туда, им пришлось пройти мимо черной двери детской. Холод оттуда тянуло такой плотной волной, что пламя зажигалки Дэвида, которой он пытался подсветить ступени, трижды гасло. Они шли быстро, почти бежали, стуча подошвами по дубовым плашкам, чтобы звуком собственного движения разогнать нависшее напряжение.

Галерея представляла собой длинный коридор с высоким потолком. Окна здесь были забиты менее тщательно, чем внизу, и пыль плавала в косых столбах света, превращая воздух в золотой кисель. Стены от пола до потолка занимали предки.

Сэр Реджинальд Торнхилл, основатель династии торговцев льном, смотрел на них с портрета семнадцатого века со скучающим презрением. Леди Агата, пережившая троих мужей, улыбалась тонкими губами, держа в руках черепаховый лорнет. Мертвые глаза каждого холста следили за непрошеными гостями, оценивая стоимость пуговиц на их куртках и чистоту их родословной. Это была классическая викторианская спесь, застывшая в масле и лаке. Все они выглядели мертвыми, но мертвенными привычным, безопасным образом.

Все, кроме одного.

Он висел в самом конце галереи, освещенный круглым слуховым окном прямо над ним. Сэр Элайджа Первый, прадед нынешнего владельца. Суровый мужчина с лицом, высеченным из гранита. Густые бакенбарды сливались с жесткой бородой, полностью скрывая линию челюсти. Темно-синий сюртук казался монолитным, а руки, сложенные на набалдашнике трости, были узловатыми и сильными. Но главным было лицо. Бледное, одутловатое, с тяжелым двойным подбородком. И глаза. Маленькие, глубоко посаженные свинцовые глазки, смотревшие прямо на зрителя с холодной, расчетливой яростью серийного убийцы.

— Вот наш мясник, — выдохнул Дэвид, останавливаясь в паре метров от рамы. — Господи, какой же мразью надо быть, чтобы смотреть так даже на собственных детей. Хотя... откуда мы знаем, может, это просто плохой художник. Лицевая живопись никогда не передавала душу верно.

Дарья сделала шаг вперед. Одеяло соскользнуло с ее плеч на пол, но она этого не заметила. Чем ближе она подходила к полотну, тем сильнее менялся запах воздуха. Пыль и воск сменились запахом озона, жженой кости и дорогого мужского парфюма, который давно перестал выпускать парфюмерные фабрики.

Она остановилась вплотную к картине, так близко, что могла бы коснуться носа нарисованного старика своим. Дэвид дернулся было остановить ее, боясь, что древний лак или стекло могут треснуть, но замер. — Даша... У него моргнул глаз.

Левый глаз Элайджи Первого действительно опустился ниже. Всего на миллиметр. Тяжелое веко прикрыло тусклый зрачок ровно настолько, чтобы превратить выражение тупой ярости в циничную, заговорщическую усмешку.

Дарья медленно повернула голову к мужу. Ее собственное лицо в этот момент стало зеркальным отражением портрета — таким же жестким и лишенным страха. — Свет, — сказала она. — Дело в угле падения луча. Подожди.

Она вернулась к началу галереи, нашла старый масляный подсвечник на высокой ножке, чиркнула охотничьей спичкой и зажгла три толстые свечи. Вернувшись к портрету, она поставила канделябр на пол слева от рамы. Свечи осветили левую часть лица старика, подчеркнув глубокие тени в носогубных складках. Уголок нарисованного рта дрогнул пополз вверх в кривой ухмылке.

— Видишь? — прошептала Дарья. — Он реагирует на тепло. На спектр. Попробуй справа.

Дэвид, забыв про свой страх перед паранормальным перед лицом внезапно проснувшегося научного интереса жены, переставил свечи направо. Теплый свет упал на правую щеку патриарха. Выражение лица мгновенно изменилось. Исчезла усмешка. Губы сжались в тонкую бескровную нить, брови сошлись к переносице. Теперь Элайджа смотрел не как маньяк, а как хирург, заметивший ошибку ассистента во время сложной операции. Взгляд стал безразличным.

— Инфракрасный спектр вызывает одну химическую реакцию в лаке, ультрафиолетовую — другую, — забормотал Дэвид, доставая телефон. — Или многослойная краска... Чертовски сложная техника. Я читал про такие эксперименты в эпоху Возрождения, там использовали ртуть и сусальное золото для создания оптических иллюзий. Старик был гением химии.

— Он не был художником, Дэвид, — тихо возразила Дарья. Она не отрывала взгляда от свинцовых глаз. Сейчас, освещенные теплым желтым светом снизу, они смотрели прямо ей в мозг. — Он был анатомом. Посмотри на шею. Видишь эти линии? Это не тени от морщин. Если приглядеться, контуры кадыка и ключиц прорисованы поверх воротника. Словно сначала написали голую плоть, а потом решили добавить одежду, но поленились переписывать основу.

Дэвид нахмурился и тоже подошел ближе, всматриваясь. — Тебе кажется. Галлюцинации после прошлой ночи...

Внезапно тяжелый бархатный шнур, удерживающий шторы на окне галереи, с сухим треском лопнул. Плотная ткань рухнула вниз, отрезав портрет от утреннего солнца. Зал погрузился в холодный полумрак.

Свечи продолжали гореть, но их свет теперь казался каплей чернил в стакане воды. Лицо Элайджи Первого исчезло в тени.

А затем оно начало двигаться само по себе.

Это не было игрой воображения или преломлением света. Масляная краска начала течь. Сначала медленно, словно густой мед. Бакенбарды истончились и поползли вниз, оголяя челюсть. Затем начал меняться сам овал лица: тяжелая нижняя часть втянулась, скулы заострились, кожа натянулась на хрящевой каркас. Нос провалился, превратившись в две зияющие черные дыры сифилитического больного. Волосы отступили, обнажив высокий, испещренный шрамами лоб.

На месте сурового викторианского джентльмена теперь скалился истощенный безумец эпохи Регентства. Рот расползся в разрезе от уха до уха, обнажая неровный ряд длинных, игольчатых зубов, которых просто не могло быть у человека. Из черных провалов глазниц пахло сквозняком склепа.

Дэвид издал звук, похожий на икание. Он попятился, врезался спиной в стену предков и сполз по ней на пол, закрывая голову руками. — Выключи! — взвыл он. — Выключи это!

Дарья стояла неподвижно. Страх испарился, оставив место холодному, липкому любопытству. Она видела то, чего видеть нельзя, и ее сознание отказывалось ломаться. Вместо

этого оно каталогизировало ужас. *«Фаза первая: деградация пигмента. Фаза вторая: изменение морфологии черт. Скорость трансформации превышает естественную текучесть связующих масел при данной температуре (около 14 градусов Цельсия) в несколько сотен раз».*

Краски на холсте бурлили. Безумец открыл рот шире, и мазки начали отслаиваться от холста, закручиваясь спиралью внутрь картины, открывая под слоем лака нечто иное. Не грунтованный лен. Черную пустоту. Звездную бездну, в которой медленно вращались белесые, влажные сферы человеческих глазных яблок.

Из глубины этой раны в реальности раздался голос. Он не исходил из полотна. Он рождался прямо между барабанных перепонок Дарьи, вибрируя в костях черепа: *«Вы принесли мне плохие инструменты. Мой скальпель заржавел. Ваши артерии подойдут лучше».*

Запах формалина ударил в нос с силой кулака. Дарья почувствовала, как колени подгибаются. Картина всасывала воздух из комнаты. Легкие горели. Она понимала: если сейчас упадет, если потеряет сознание, полотно выпьет ее целиком, вытянет через эту дыру в стене, и Дэвид останется один в галерее с двадцатью семью монстрами.

Собрав остатки воли, она схватила стоявший рядом чугунный канделябр. Металл был ледяным, обжигая ладони даже сквозь шерсть перчаток. Не думая, подчиняясь лишь базовому инстинкту закрыть пробоину, Дарья размахнулась и ударила тяжелой бронзовой ногой подставки прямо в центр искаженного лица.

Раздался хруст, похожий на звук ломаемых костей. Холст порвался с визгом разрываемой ткани. Бронза проломила дерево подрамника. Из разбитой рамы хлынула густая, черная жижа, пахнувшая могильной землей и гниющей кровью. Жидкость плеснула на дорогой персидский ковер, моментально прожигая в нем дыру с обугленными краями.

Тяжело дыша, опираясь на канделябр как на костыль, Дарья посмотрела на результат своей работы. Картина умерла. На стене висел искромсанный кусок тряпки, из которого торчала щепка и клочья войлока. Никакого звездного неба. Никакого безумца. Только старая основа и разорванный холст.

Тишина вернулась, звенящая и нормальная. Запах крови исчез, осталась только резкая вонь озона после удара молнии.

— Ты... ты уничтожила антиквариат восемнадцатого века, — прохрипел Дэвид из угла. Он дышал часто и мелко, его лицо приобрело оттенок мокрого пепла. — Разнесла вдребезги вещь ценой в состояние... Зачем? Мы могли снять ее... — Она снимала нас, — Дарья выронила канделябр. Ноги наконец-то подкосились, и она тяжело осела на пол рядом с мужем. Ее билa крупная дрожь. Адреналиновый откат оказался страшнее самого видения. — Он хотел выйти, Дэвид. Краска служила печатью. А свет свечей дал ему энергию. Никогда больше не зажигай огонь возле этих стен без моего разрешения.

Дэвид ничего не ответил. Его взгляд был устремлен на обломки. Профессиональный архитектор внутри него боролся с напуганным человеком. Спустя минуту он достал из внутреннего кармана платок, осторожно поднял с пола крупный фрагмент содранного лака и завернул его. — Нужно отдать на экспертизу полимеров, — пробормотал он. — Такой скорости окисления не бывает. Это физически невозможно. Может, споры грибов? Галлюциногенная плесень в раме? — Это одержимость, — устало ответила Дарья. — Дом использует предметы как линзы. Картины, пианино, трубы канализации. Мы живем внутри микроскопа, Дэвид. И мы — предметное стеклышко.

Они покинули галерею. Спускаясь по лестнице, Дарья чувствовала затылком пристальные взгляды всех остальных Торнхиллов. Сэр Реджинальд, леди Агата и прочие благообразные покойники теперь казались ей еще более зловещими. Они пока молчали. Просто ждали своей очереди.

Весь день прошел в напряженной работе, которая граничила с попыткой побега. Они не обсуждали утро. Сделали негласный пакт: события, которые нельзя объяснить физикой пер-

вого курса, заносятся в «Блокнот», получают номер, дату и больше не упоминаются вслух до вечера. Это помогало держать рассудок на привязи.

Дэвид ушел в подвал разбираться с проводкой, предварительно обмотав шею толстым шарфом. Дарья осталась в библиотеке. Она пыталась систематизировать записи Элайджи. Старый гроссбух лежал перед ней раскрытой пастью.

«Объект № 112 проявил аномальную синаптическую активность при воздействии низкочастотным резонансом (скрипичная струна "Ми", натяжение ослаблено). Рекомендовано вскрытие черепной коробки без анестезии для фиксации момента смерти коры».

Дарья захлопнула книгу. Желудок свело спазмом. Она подошла к окну, пытаясь отдышаться. Солнце садилось рано, лес уже наливался синевой. Именно в этот момент, глядя на свое отражение в грязном стекле, она вспомнила про фотографии.

— Фотографии, — повторила она вслух.

Дэвид вернулся из подвала около шести вечера. Грязный, пропахший соляжкой и озоном, с разводами машинного масла на щеках. Он принес хорошую новость: генератор стабилен, если не нагружать сеть электрочайниками, тока хватит на освещение и насос.

— Я нашел распределительную коробку прямо под лестницей в подвал, — сообщил он, жадно глотая воду из графина. — Там крысы сожрали половину изоляции. Чудо, что дом не сгорел еще при жизни твоего родственника. Завтра поеду в городскую лавку, возьму бухту кабеля и гофру. Придется штробить стены. Будет шумно.

— Шумно — это хорошо, — кивнула Дарья. — Шум отпугивает тихих. Покажи снимки.

— Какие снимки? — Дэвид напрягся. — Портрета. Ты сказал утром, что хочешь сделать фото, потому что это похоже на термохромную краску. Ты стоял прямо передо мной, открывал альбом камеры. Я помню щелчок цифрового затвора.

Дэвид медленно поставил графин. Его пальцы побелели там, где сжимали стекло. Он молча полез в карман джинсов. Телефона там не было. Второй карман. Третий. Он похлопал себя по груди, по бокам, словно обыскивал самого себя. — Я точно помню... — его голос сел. — Я сделал три кадра. Хотел поймать переход теней. Боже, Даша, я оставил его там. На полу в галерее. Когда ты ударила картину, я бросил все и побежал.

— Ты не оставлял его, — ровным голосом сказала Дарья. — Мы вместе вышли из галереи. Ты шел впереди, я замыкала. Дверь в галерею закрылась сама за нами, помнишь? Сквозняка нет, защелка тугая. Телефон не мог выпасть.

Дэвид бросился к лестнице, перескакивая через ступени. Дарья спокойно допила воду, взяла карандаш и открыла блокнот на новой странице. *«18:15. Предмет: смартфон Samsung Ultra (субъект Д.М.). Место утраты: портретная галерея второго этажа. Обстоятельства: падение напряжения внимания субъекта вследствие визуального шока (феномен №1). Требование субъекта: немедленный возврат аппарата ввиду наличия рабочих контактов и связи с внешним миром».*

Она слышала тяжелые шаги мужа наверху. Затем — звук быстрых шагов обратно к лестнице. Дэвид скатился вниз кубарем. Лицо его было перекошено. — Его там нет, — выпалил он. — Пол чистый. Ни телефона, ни чехла. Ковер... тот самый, куда попала жидкость, чист. Пятна ожога есть, а следов нашей обуви нет. Дом стер отпечатки.

— Он не стер, — поправила Дарья. — Он переместил. Как ключи. Пойдем посмотрим в ванной.

— При чем тут ванная?! — взорвался Дэвид. Впервые за два дня маска стойка слетела с него, обнажив панику. — Хватит нести этот бред про перемещения! Мы в ловушке! Эта штука играет с нами! Сначала пугает призраками, потом ворует наши вещи, изолирует нас! Следующим шагом она запрет двери и спустит газ! Надо выбивать окна!

— И перерезать ноги о шипы на заборе высотой в четыре метра? — Дарья встала, подойдя к нему вплотную. Она положила свои холодные ладони на его горячие, заросшие щетиной

щеки. — Посмотри на меня, Дэвид. Посмотри мне в глаза. Паника сжигает кислород быстрее, чем пожар. Закрой глаза. Глубокий вдох. Задержи. Выдох. Еще раз. Молодец. А теперь слушай меня внимательно. Правила игры изменились. Утром это был театр. Демонстрация силы. Картина хотела показать нам, кто хозяин. Днем это была кража. Проверка ресурсов. Связь с внешним миром — это угроза контуру. Поэтому телефон спрятан. Где самое уязвимое место в доме, Дэвид? Самое интимное?

Дэвид открыл глаза. Зрачки все еще расширены, но дыхание выровнялось. Логика жены работала как стальной капкан. — Санузел, — глухо ответил он. — Место максимальной психологической уязвимости. Где человек максимально обнажен.

— Умница, — она поцеловала его в лоб, мимолетным, механическим движением, каким глядят собаку. — За мной. И захвати фонарь. Тот, большой, тактический.

Дорога в ванную на втором этаже заняла вечность. Каждый скрип паркета казался выстрелом. Каждый вздох труб — речью на неизвестном языке. Наверху было темно. Электричество Дэвид отключил в целях безопасности сети, а керосиновую лампу они оставили внизу. Пришлось пользоваться светодиодными налобниками, режущими тьму болезненно-белым светом.

Ванная встретила их паром. Несмотря на то, что батареи едва теплились, в помещении было жарко, как в турецком хамаме. Медная ванна на лапах запотела изнутри. Латунные краны pokryлись крупными каплями конденсата.

И пахло лимоном. Дорогим цитрусовым мылом, которое никто из них не покупал.

— Он смеялся над нами, — прошептал Дэвид, водя лучом фонаря по кафелю. — Оставил следы. — Не отвлекайся, — Дарья подошла к раковине. — Осмотри сифон. Глубоко.

Дэвид присел на корточки, расстегивая кожаный чехол с инструментами на поясе. Он вынул миниатюрный эндоскоп с камерой на гибком шланге — профессиональная привычка проверять скрытые полости зданий. — Труба чистая, — констатировал он через минуту осмотра. — Никаких телефонов. Даже пыли мало. Кто-то протер трубу спиртом изнутри.

Дарья перевела взгляд на зеркало. Огромное, в человеческий рост, заключенное в тяжелую раму из позолоченной бронзы, изображающей виноградные лозы и черепа. Поверхность зеркала была мутной. Не просто старой — она активно затягивалась белесой дымкой изнутри, между стеклом и амальгамой.

— Отойди от раковины, — приказала Дарья. — Быстро. К стене.

Дэвид послушно прижался спиной к дешевым бумажным обоям в цветочек, которыми предыдущие жильцы пытались скрыть викторианскую роскошь. Дарья медленно подняла руку. Луч ее налобного фонаря бил прямо в центр стекла.

— Выходи, — сказала она пустой комнате. — Ты любишь внимание. Выходи, покажи фокус.

Конденсат на кранах замерз. Температура упала так резко, что пар изо рта превратился в ледяную крошку. Белесая дымка в зеркале заволновалась, закручиваясь воронкой. По ту сторону толстого стекла проступило движение.

Сначала появилась рука. Белая, изящная, явно женская, с длинными пальцами. Рука приподняла невидимую вуаль. Затем показалось лицо.

Оно не принадлежало человеку. Это была прекрасная, совершенная фарфоровая маска той самой куклы из детской спальни. Голубое платье, стеклянный глаз с нарисованным синяком. Кукла прижала палец к губам, требуя тишины, а затем другой рукой медленно, демонстративно показала за спину Дэвиду.

Дарья проследила за ее жестом. Дэвид почувствовал ледяное прикосновение к своему затылку. Он хотел обернуться, но тело парализовало первобытным ужасом — тем самым рефлексом кролика перед удавом.

— Не двигайся, — одними губами произнесла Дарья. — Она показывает не тебе. Она указывает на полку. Над твоей головой. Слева.

Медленно, миллиметр за миллиметром, Дэвид скосил глаза вверх. Деревянная полка для полотенец, вбитая высоко под потолком. Обычная сосновая доска. На ней, аккуратно уложенный на вязаную салфеточку, лежал его телефон. Экран был разблокирован.

На рабочем столе мерцала иконка запущенного приложения. Камера. Режим видеозаписи. Красная точка пульсировала, показывая обратный отсчет времени: 04:12... 04:11... 04:10... Кто-то последние четыре минуты транслировал видео прямо отсюда. Прямо из-за спины Дэвида.

Фарфоровое лицо в зеркале растянулось в широкой улыбке. Глаз с синяком весело подмигнул. А затем изображение пошло рябью и схлопнулось. Дымка рассеялась. В зеркале остались только они двое — бледные, искаженные перспективой фигуры. Температура в ванной мгновенно вернулась к норме. Капли на кранах с тихим звоном сорвались вниз.

Дэвид издал странный булькающий звук и осел на пол. Его плечи сотрясались. Дарья думала, он плачет, но когда подошла ближе, поняла — он смеется. Тихим, истерическим смехом человека, чей разум официально признал капитуляцию. — Четыре минуты, — выдавил он сквозь смех и слезы. — Четыре гребаные минуты кто-то или что-то водило моей головой. Потому что телефон был у меня в заднем кармане. Нажать кнопку включения на экране, выбрать приложение, нажать запись... Это требует сложных моторных навыков. Оно управляло моим телом, Даша. Моим позвоночником.

Дарья не стала его утешать. Она залезла на край ванны — мраморная поверхность опасно качнулась под ногами — и дотянулась до полки. Сняла телефон. Экран был горячим.

Она открыла галерею. Последним файлом действительно было видео. Длительность: четыре минуты двенадцать секунд.

Она включила воспроизведение, направив экран на лицо мужа. Качество съемки было идеальным. Стабилизация работала безупречно, хотя съемка велась в темноте. Камера давала четкое черно-белое изображение. Видео начиналось с вида на саму ванную комнату. Ракурс был странным — примерно метр шестьдесят от пола, чуть правее центра помещения. Объектив смотрел прямо на закрытую дверь. Затем камера плавно, очень плавно развернулась. Прошлась по раковине, задержалась на зеркале. Навелась на ванну. Потом кадр резко дернулся вверх. Резко, вопреки той плавности, что была до этого. Словно оператор сменил хват. Камера нацелилась на вентиляционную решетку под потолком. Из темноты шахты вентиляции на объектив выползло нечто. Многоногое, блестящее хитином, размером с крупную кошку. Паук-птицеед, сплетенный из ржавой проволоки и человеческих волос. Насекомое уставилось всеми своими восьмью линзами-глазами в камеру, клацнуло жвалами, рассыпая искры, и стремительно юркнуло обратно во тьму.

Камера опустилась. Дернулась в последний раз, наводясь на собственные внутренности — снятая крышка батарейного отсека, вынутый аккумулятор, валяющийся на коврике. Затем изображение погасло.

— Оно знало, что мы придем, — прошептала Дарья. — Оно вытащило батарею, чтобы мы нашли аппарат. Положило на самую высокую точку. И записало кино специально для нас. Чтобы показать спецэффекты.

Дэвид перестал смеяться. Он сидел на ледяном кафеле, обхватив колени руками, и раскачивался взад-вперед. — Спецэффекты... Да, декорации впечатляют. Актерская игра на высоте. Но знаешь, что я понял, смотря это? Паука не было в вентиляции, когда мы вошли. Я бы заметил такую тварь. Оно появилось, когда началась запись. Дом генерирует материю. Рисует ее светом матрицы.

Дарья выключила телефон. Достала из кармана карандаш. Опустилась на колени рядом с мужем, лежа блокнот на крышку унитаза. Писать приходилось в свете налобного фонаря Дэвида, отчего буквы отбрасывали на стены гигантские пляшущие тени.

[18:45] [Объект: средства связи (смартфон)] [Локация: верхний периметр санузла.] [Действие сущности: манипуляция моторными функциями субъекта Д.М. Продолжительность контакта: 242 секунды. Уровень контроля: полный (включение ПО, активация видеосъемки, физическое извлечение аккумулятора). [Демонстрация: инсценировка угрозы (биомеханический симулякр членистоногого). Цель демонстрации: оценка уровня кортизола и адреналина. Мы изучаем нашу биохимию.] — Что будем делать дальше? — спросил Дэвид, глядя на нее снизу вверх. В глазах архитектора больше не было паники. Была пустота профессионального расчета. — Штробить стены бесполезно. Проводка — это их кровеносная система. Если мы начнем ее менять, мы сделаем дому больно. Он ответит.

— Мы продолжим ремонт, — твердо сказала Дарья, закрывая блокнот. — Но по нашим правилам. Первое: никаких изменений в несущих конструкциях без одобрения. Второе: каждое отверстие в стене должно быть благословлено. Мы берем святую воду. — Я думал, ты биолог, а не сектантка. — Я исследователь, Дэвид. Если ритуалы работают против эктоплазмы, значит, это эффективный протокол взаимодействия. Купим кресты, ладан, весь набор клирика-экзорциста. Будем использовать религию как интерфейс. Если код дома написан на латыни боли, мы будем отвечать командами на церковнославянском.

Она помогла ему подняться. Ноги плохо слушались обоих. — А третье правило? — спросил Дэвид, когда они выходили из ванной, оставляя позади теплый лимонный запах чужого мыла. — Третье, — Дарья остановилась на пороге библиотеки, глядя на зашторенное окно. — Мы больше не спим. Сон — это выключение нашего сознания. Дом работает в темноте. Пока мы бодрствуем, мы видим границы фокуса. Сегодня ночью мы дежури́м. По очереди. Три часа ты, три часа я. И Блокнот держим под подушкой. Если кто-то начнет превращаться в паука — второй должен успеть записать угол наклона конечностей.

Ночь опустилась на холм стремительно. Дарья развела огонь в трех разных каминах первого этажа — в кабинете, столовой и гостиной. Огонь давал не только тепло. Живое пламя создавало барьер. Теням становилось труднее перемещаться между комнатами, они путались в пляшущих бликах.

Они сидели за огромным обеденным столом, способным вместить тридцать гостей. Между ними стояла единственная тарелка с засохшим печеньем и две кружки с остывшим кофе. Дэвид методично правил чертеж фундамента, переносил его кальку на миллиметровку, вычисляя углы нагрузки. Дарья читала медицинские карты из саквояжа. Время от времени они поднимали головы, встречались взглядами и молча кивали друг другу. Мы здесь. Мы еще люди. Мы ведем учет.

В три часа ночи Дэвид пошел заваривать свежий чай. Он отсутствовал семь минут. Когда он вернулся, на его лице играла легкая, отстраненная улыбка. — Знаешь, — сказал он совершенно спокойным голосом, ставя чайник на подставку. — Я подумал. Мы зря тратим электричество на обогрев всего этажа. В кабинете слишком много окон, уходит много тепла. Нам будет гораздо теплее и уютнее спать прямо у огня. На медвежьей шкуре. Перед самым камином. Там такая замечательная, глубокая кирпичная топка. Почти как гнездо.

Дарья медленно подняла голову от блокнота. Она посмотрела на мужа, затем перевела взгляд на черный зев камина за его спиной. Внутренняя облицовка очага была выполнена из огнеупорного кирпича, покрытого слоем блестящей копоти. В глубине, среди недогоревших поленьев, что-то слабо флуоресцировало. Какой-то белый налет.

Она взяла карандаш. Руки оставались идеально твердыми. [03:00], вывела она. [Попытка рекрутирования субъекта Д.М. Методика: имплантация конструктивной мысли об оптимизации теплового режима. Предлагаемая локация: замкнутое пространство топ-

ливника (объем 0.8 куб.м, приток кислорода ограничен). Прогноз развития событий: асфиксия во сне, термическое воздействие первой степени, затруднение доступа для оказания помощи вторым субъектом ввиду габаритов зева].

— Хорошая идея, Дэвид, — улыбнулась она в ответ, делая глоток горького кофе. — Давай обустроим спальню здесь. Но сначала я хочу проверить тяги. Кажется, дымоход немного сужается на повороте. Нужно убедиться, что угарный газ уйдет полностью. Принеси-ка длинную кочергу из подсобки. Самую тяжелую.

Дэвид моргнул. Сияющая ясность в его глазах дрогнула, словно слой пыли, сдутый ветром. Он растерянно посмотрел на свою чашку, потом на жену. — Что-то... голова закружилась, — пробормотал он. — Наверное, давление.

— Посиди здесь, — Дарья мягко подтолкнула его обратно к стулу. — Я сама схожу за кочергой. И заодно проверю замки на входной двери. На всякий случай. Чтобы ветер не гулял.

Она вышла в темный вестибюль. Сердце билось ровно и сильно. Она знала главное правило любой лаборатории: экспериментатор не должен становиться частью среды. Для этого нужно всегда помнить, где находится выход.

И где лежит скальпель.

Дом вокруг нее тихо гудел довольством. Древние камни впитывали их отчаяние, их усталость и их попытки логически обосновать иррациональное. Особняк на холме переваривал своих новых жильцов. Он был терпелив. Он ждал уже сто лет. Он мог подождать еще одну ночь, наблюдая, как женщина с блокнотом ходит по его венам-коридорам, уверенная, что ведет дневник наблюдений, в то время как на самом деле она заполняет историю болезни собственной смертью.

Глава 4. Звуки в полночь

Время внутри Торнхилл-холла текло иначе, чем снаружи. Часы с маятником в кабинете — массивный дубовый исполин с латунным циферблатом — отбивали ритм их новой жизни. Дарья завела механизм перед закатом, и теперь тяжелое «бом... бом...» каждые полчаса разносилось по первому этажу, отскакивая от книжных шкафов и вязнув в бархатных портьерах. Этот звук был якорем. Метрономом человеческого присутствия.

Они дежурили строго по графику. Дэвид взял первые три часа — с девяти до полуночи. Он сидел в кресле у камина, положив на колени алюминиевую бейсбольную биту, которую они купили в придорожном спортивном магазине вместе с канистрами для бензина. Спортивный инвентарь выглядел нелепо в окружении викторианской резьбы, но холодный металл давал Дэвиду необходимую иллюзию контроля над физическими законами.

Дарья сидела за столом, продолжая свою хронику. Она не спала, хотя глаза жгло огнем. Сонливость была еще одним оружием дома, мягкой подушкой, которой он пытался накрыть их сознание. Чтобы бороться с ней, она методично переписывала медицинские карты детей из грассбуха Элайджи в свой блокнот, переводя каллиграфическую латынь врача-убийцы на сухой язык протоколов. *«02:15. Субъект Д.М. держит мышечное напряжение (хватательный рефлекс). Пульс девяносто ударов в минуту. Внешних признаков сонливости нет».*

Ровно в полночь Дэвид передал пост. Он двигался механически, лицо осунулось, под глазами залегли тени цвета грозовой тучи. Три часа непрерывного бодрствования в абсолютной тишине выматывали сильнее, чем двенадцатичасовая смена на стройплощадке. — Ничего, — хрипло сказал он, передавая Дарье битку. — Только этот чертов дом стонет. И крысы. Или что там скребется в стенах. Буди меня, если увидишь хоть одну тень, которая движется против сквозняка.

Дарья заняла его место в кресле. Кресло было огромным, глубоким, оно словно обнимало ее, принимая форму тела. Ей пришлось приложить усилие, чтобы не позволить векам закрыться. Она положила блокнот на широкий подлокотник, карандаш пристроила сверху так, чтобы тот скатился при малейшем движении руки, и направила луч мощного тактического фонаря прямо на входную дверь. Свет бил широким конусом, выжигая тьму из углов.

Дом вокруг нее жил своей жизнью. Вентиляционные шахты вздыхали, выпуская запахи подвала — карболку и сырость. Старые трубы отопления периодически издавали звук лопающейся струны. Где-то на втором этаже капала вода — монотонно, с интервалом ровно в четыре секунды. *Кап. Кап. Кап.* Психологическая пытка водой, проверенная тысячелетиями.

Она открыла медицинский журнал Элайджи на случайной странице. *«Эксперимент № 89. Аудиальная восприимчивость. Методика: исполнение колыбельной "Баю-баюшки-баю" в минорной тональности во время фазы быстрого сна пациента. Результат: остановка сердечной деятельности на пятой минуте экспозиции. Гипотеза: определенная частота вибрации разрушает миокард быстрее, чем пуля».*

Дарья захлопнула книгу. Ее затошнило. Она перевела взгляд на часы. Маятник качался туда-сюда, гипнотизируя, успокаивая. Стрелки медленно ползли к двум часам ночи.

В два часа десять минут скрип деревянных перекрытий наверху изменился. До этого момента звуки были хаотичными: старое дерево дышит, сохнет, сжимается от перепада температур. Но сейчас наступила пауза. Полная, звенящая тишина, какая бывает в лесу перед ударом молнии. Даже капли воды в ванной замерли на середине своего падения.

А затем начались шаги.

Это не был топот или бег. Это был размеренный, тяжелый шаг взрослого мужчины, обутого в жесткие кожаные ботинки. Подошвы уверенно впечатывались в доски пола третьего

этажа прямо над их головами. Шаг. Пауза. Шаг. Пауза. Маршрут пролегал от лестницы вдоль коридора детской комнаты.

Элайджа Первый делал свой ночной обход владений.

Дарья занесла руку над блокнотом, но писать не стала. Феномен номер пять. Зафиксировано ранее. Вместо этого она крепче сжала рукоять биты. Холодный алюминий вибрировал в такт ударам ее пульса.

Шаги достигли конца коридора над ними. Раздался тихий, почти мелодичный скрип открываемой двери. Той самой черной двери. Звук ржавых петель, который они слышали вчера, пробрал морозом до самых костей. Затем шаги стихли. Наступила секунда мертвой тишины.

И полилось пение.

Женский голос. Невыразимо прекрасный, высокий сопрано, лишенный человеческих дефектов дыхания. Голос звучал сразу отовсюду — из стен, из дымохода, из-под половиц. Он пел без слов, чистую вокализу, простую колыбельную мелодию. Но каждая нота этой мелодии резонировала с костями черепа. От этой музыки хотелось плакать и одновременно свернуться в позу эмбриона, закрыв уши руками, потому что песня обещала вечный покой тем, кто перестанет сопротивляться.

Песня длилась около минуты. Ровно столько времени нужно, чтобы уложить ребенка спать. Затем раздался звук закрываемой двери. Снова скрип петель. И тяжелые шаги обратно к лестнице.

Затем все стихло. Дом снова превратился в обычный заброшенный особняк, полный звуков усадки фундамента.

Дарья сидела неподвижно еще десять минут, вслушиваясь. Сердце постепенно замедляло свой бег. Карандаш на подлокотнике остался лежать неподвижно. Записывать было нечего — акустическая атака закончилась, физических повреждений нет. Просто очередная демонстрация возможностей аудиальной системы здания.

Она дождалась половины третьего и решительно встала. Тело затекло. Нужно было размяться, проверить периметр, убедиться, что окна первого этажа не вскрыты. Иллюзия безопасности требовала ритуалов. — Я пройдусь вверх, — сказала она тихо, скорее для себя, чем для спящего в соседнем кресле Дэвида. — Проверю галерею. Если портрет начал восстанавливаться...

Дэвид не ответил. Он спал глубоко, запрокинув голову, рот слегка приоткрыт. Усталость победила даже химический ужас. Дарья почувствовала короткий укол зависти. Способность отключаться в таких условиях казалась даром свыше. Она осторожно укрыла мужа шерстяным пледом и вышла в вестибюль.

Лестница на второй этаж приняла ее бесшумно. Здесь, в полумраке, освещаемом только тусклым светом луны, пробивающимся сквозь грязные стекла, страх ощущался острее. Воздух стал плотнее. Каждый выдох превращался в облачко пара. Температура падала с каждой ступенькой выше.

На площадке второго этажа она остановилась. Коридор уходил вправо, к запертым спальням, и прямо, к повороту на третий этаж и детскую. Именно оттуда тянуло холодом.

Дарья сделала шаг вперед. Деревянная панель под ногой издала громкий, влажный хруст. Она замерла, посветив вниз фонарем. Дубовая доска треснула вдоль волокон. Из щели торчал край чего-то белого. Не щепка. Кость. Мелкая суставная фаланга пальца. Ребенок. Доски пола были набита человеческими останками.

Ее замутило, но мозг сработал четко: [02:38] Локация: лестничная площадка второго этажа. Обнаружение биоматериала (фаланга) внутри несущей конструкции пола. Интеграция жертвы в архитектуру.]

Она перешагнула через роковую доску и пошла дальше. Коридор встретил ее запахом лаванды и гниения. Смесь парфюма старой леди и могильного тлена.

Возле поворота к детской Дарья остановилась. Женское пение началось снова. Теперь оно было тише, интимнее. Оно исходило прямо из-за угла, из темноты перед дверью с трещиной. Слов по-прежнему не было, только бесконечная, плавающая волю мелодия.

Дарья подняла биту. Луч фонаря ударил в темноту, как копьё. Коридор был пуст. Абсолютно.

Тяжелый балдахин на ближайшей двери спальни едва заметно колыхнулся, хотя воздух стоял неподвижно. Тени от старинных гравюр на стенах плясали, складываясь в силуэты повешенных. Но никого живого. Никакого призрака в белом платье.

Только шепот.

Прямо возле правого уха Дарьи. Теплое дыхание коснулось мочки. — *Он просится наружу*, — произнес женский голос. Он не кричал, не шипел. Он звучал заботливо, как медсестра, объясняющая ход процедуры. — *Ты же слышишь, как ему тесно в дереве? Дай ему выход.*

Дарья резко развернулась, выставя фонарь и биту. Никого. Пустые обои в розах. Портрет тетушки Модести смотрел со стены стеклянными глазами.

— Кто здесь? — голос Дарьи прозвучал хрипло, но твердо.

Ответом ей стал смех. Тихий, рассыпчатый смешок где-то в центре ее собственного черепа.

Она попятилась назад, держа оружие перед собой. Спина уперлась во что-то мягкое и холодное. Ткань. Шерсть.

Она обернулась. За ее спиной, загораживая проход к лестнице, стояла женщина. Высокая, бледная, одетая в темно-синее дорожное платье викторианской эпохи. В руках она держала кружевной зонтик. Лицо женщины было красивым той строгой, мертвенной красотой, что присуща античным статуям. У нее не было глаз. Только две гладкие, идеально отполированные впадины кости.

Женщина улыбнулась оголенными деснами и подняла палец к тому месту, где должны быть губы. Жест, призывающий к молчанию.

А затем она начала таять. Не исчезать вспышкой света, а оплывать, как восковая фигура у огня. Синее платье потекло по стене темным пятном, впитываясь в обои, оставляя после себя лишь слабый запах нафталина и духов.

Дарья осталась одна посреди коридора. Легкие горели, она хватала ртом воздух. Контакт был слишком близким. Долговременным. Она чувствовала прикосновение ткани платья к своему рукаву, хотя знала, что это невозможно.

Она заставила себя опустить биту. Коленки дрожали. Правила изменились. Они больше не просто наблюдатели. Дом перешел к тактильному контакту.

Спустившись вниз, она первым делом посмотрела на Дэвида. Он продолжал спать, но его поза изменилась. Руки больше не лежали мирно на коленях. Правая кисть была неестественно вывернута, пальцы побелели, впиваясь в обивку кресла. На шее, чуть ниже кадыка, проступили красные пятна, похожие на следы пальцев.

Дарья бросилась к нему, схватила за плечо. — Дэвид! Проснись!

Он дернулся всем телом, едва не перевернув кресло, и издал глухой, задушенный крик. Глаза распахнулись, но смотрели в никуда. Он слепо шарил руками по горлу, пытаясь сорвать невидимую удавку. — Нет... пожалуйста... не надо... больно... — слова прорывались сквозь спазм сведенного горла.

Дарья включила верхний свет. Резкий щелчок выключателя разорвал морок. Дэвид рухнул обратно в подушки кресла, тяжело дыша. Его грудь ходила ходуном, рубашка промокла от холодного пота. — Что... что это было? — прохрипел он, глядя на свои руки так, будто

видел их впервые. — Сомнамбулизм, — Дарья уже доставала из аптечки нашатырь. Резкий запах ударил в нос, приводя его в чувство окончательно. — Глубокая фаза. Ты встал. Ходил. Стоял у камина и душил сам себя. Следы на шее сойдут к утру, но гематомы будут. — Я ничего не помню, — Дэвид потер горло. — Только чей-то смех. Прямо в ухе. Тот самый, детский. Фарфоровый.

Дарья вернулась к столу. Ее руки больше не дрожали. Страх выгорал, оставляя после себя пепельный профессионализм. Она взяла карандаш. [02:47] *Инцидент: сомнамбулия субъекта Д.М. Автономная моторика вне контроля коры. Попытка аутоасфиксии. Вероятная причина: резонанс с аудиальным феноменом №6 (пение), зафиксированным на втором этаже в то же самое время. Синхронизация угроз*].

Она отложила карандаш и посмотрела на часы. Без четверти три. Самое темное время суток. Время, когда граница между мирами становится тоньше папиросной бумаги.

— Мы спускаемся в подвал, — сказала она. — Что? — Дэвид попытался встать, пошатнулся. Ноги плохо слушались. — Зачем? Там эти банки... Давай лучше поднимем стулья на чердак и забаррикадируем дверь кабинета изнутри. Выдержим осаду. — Осады не будет, — терпеливо объяснила Дарья. — Мы не в крепости. Мы в операционной. Пациенты лежат на столе. Если мы будем прятаться, нас препарируют заживо. Нам нужно спуститься первыми. Посмотреть, откуда растет корень.

Подвал встретил их стеной жара. После ледяного холода верхних этажей кирпичные своды дышали сухим, раскаленным воздухом, как печь мартена. Запах формалина здесь был настолько густым, что им пропиталась одежда.

Свет мощных налобных фонарей разрезал мрак, выхватывая ряды стеклянных банок. Бледные плоды в формалине равнодушно покачивались в желтоватой жиже. Медные трубы отопления здесь гудели громче всего. По ним бежала горячая вода от котла, разнося тепло по всему дому.

— Система кровообращения, — прошептал Дэвид, проводя рукой по толстой трубе. Она вибрировала. — Котел — это сердце. Насос — предсердие. Радиаторы — капилляры. Весь дом прогрет равномерно, кроме одного места. Наверху, в детской, минус двадцать. Почему?

— Потому что кровь всегда обходит некротизированные ткани, — ответила Дарья. Она шла вдоль стеллажей, внимательно изучая стыки труб с полом. — Кровь несет жизнь и тепло. Холод — это отсутствие крови. Но фундамент должен греться от земли. Закон термодинамики нарушен.

Она дошла до дальней стены подвала, той, что граничила с холмом. Здесь штабелями стояли старые ящики. Дарья посветила в щель между ними. Луч фонаря провалился в пустоту.

Между стеной из дикого камня и штабелями ящиков обнаружился зазор. Узкий, сантиметров сорок шириной, идущий вдоль всей задней части подвала. Щель была абсолютно черной, она поглощала свет. Оттуда веяло не просто холодом — оттуда тянуло вакуумом. Давление в комнате изменилось, заложило уши.

— Что там? — Дэвид подошел ближе, перехватив битую битой двумя руками. — Деформация пространства, — Дарья опустила на корточки. — Или скрытый ход. Смотри на пыль.

Пол перед щелью был покрыт слоем серой пыли толщиной в дюйм. Идеально ровный слой. Ни единого следа. Ни мышиного, ни паучьего. Казалось, само время боялось заглядывать в эту темноту.

Дарья сняла с пояса один из тяжелых строительных фонарей-маячков Дэвида. Переключив тумблер на максимальную мощность, она швырнула прибор в черный провал. Фонарь пролетел метра три, ударился о противоположную стену и разбился с жалобным звоном. Вспышка на мгновение озарила пространство.

Там не было земли. Не было хода. Там была комната. Огромная полость внутри холма, вырубленная прямо в скале. Стены полости покрывала мозаика. Но не из смальты или камня.

Мозаика состояла из тысяч мелких человеческих костей, сложенных в геометрические узоры. Ребра образовывали концентрические круги, позвонки складывались в спираль Архимеда, а черепа... Черепа были вмонтированы в кладку лицами наружу. Их пустые глазницы смотрели в центр круга, где находился каменный алтарь.

И алтарь был теплым. От него исходило слабое красное свечение, пульсирующее в ритме сердцебиения.

Как только свет погас, температура в основном помещении подвала упала мгновенно. Ледяной сквозняк из пролома лизнул ноги Дарьи.

Из глубины подземелья, отражаясь от костяных сводов, поднялся звук. Низкий, утробный гул. Так звучит кишечник планеты. И поверх этого гула наложился хор. Сотни голосов, которые они слышали ночью, теперь пели разборчиво. Это была литания. Латинский текст, повторяемый бесконечно: «*Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, dona eis requiem...*» (Агнец Божий, взявший на себя грехи мира, даруй им покой).

Молитва за упокой, исполняемая теми, кому покой только снился.

— Закрой это, — прошептал Дэвид. Лицо его стало белым, как штукатурка. — Завали ящиками. Забей досками. Мы не пойдем туда. — Пойдем, — возразила Дарья. Но в ее голосе не было уверенности первооткрывателя. Была обреченность анатома. — Не сейчас. Сначала нам нужен план. И защита. То, что внизу... это не дух бабушки. Это геологический пласт зла. Дом построили здесь не случайно. Его использовали как вытяжную трубу. Все страдания, собранные Элайджей наверху, стекали вниз, питая это... святилище.

Она отступила от щели, задвигая штабель ящиков на место, насколько хватало сил. Это была жалкая попытка построить дамбу перед океаном.

Когда они вернулись в кабинет, серый рассвет уже царапал края штор. Оба валились с ног. Адреналин иссяк, оставив только тупую боль в мышцах и фантомный звон в ушах от подземного хора.

Дэвид упал на диван и тут же забылся тяжелым сном без сновидений. Дарья села за стол. Перед ней лежал открытый блокнот. Последняя запись гласила о попытке самоубийства мужа.

Она должна была записать данные о подвале. Координаты пролома, описание мозаики, температуру. Это было необходимо для протокола выживания. Информация спасает жизни.

Ее рука зависла над бумагой. Карандаш казался невероятно тяжелым. Веки налились свинцом. Огонь в камине догорел, остались только багровые угли, бросающие на лицо пляшущие тени. Одна из теней легла на страницу блокнота, приняв очертания птичьего крыла.

Сквозь нарастающую дремоту Дарья услышала звук. Скрежет. Он шел не из подвала. И не с чердака. Звук раздавался прямо здесь, в кабинете. Со стороны письменного стола Элайджи.

Медленный, ритмичный скрежет металла по дереву. Кто-то царапал внутреннюю поверхность верхнего ящика изнутри. Тонкими, острыми когтями. Царап... царап... пауза... царап...

Дарья хотела поднять голову. Хотела включить свет. Но тело отказывалось подчиняться. Мозг посылал сигналы, но мышцы превратились в камень. Классический сонный паралич. Самый распространенный феномен в домах с плохой историей.

Царапание прекратилось. Послышался мягкий хлопок.словно крышка ящика сама собой закрылась.

А потом прямо над ухом Дарьи, обжигая кожу горячим дыханием, раздался тот самый женский голос из коридора. Бархатный, любящий, смертельно опасный: — Ты забыла написать про маму, дорогая. Мама тоже жила в этом доме. И мама очень голодна. Она говорит, что твои артерии пахнут весной.

Дарья лежала в кресле, полностью парализованная, чувствуя, как чужая ладонь нежно гладит ее волосы. Глаза были открыты. Она видела каждую деталь комнаты. Видела трещины на потолке. Видела свое отражение в лезвии ножниц, лежащих на столе.

Но в отражении не было существа за ее спиной. Там была только она сама — маленькая испуганная девочка с широко открытыми глазами, сидящая в огромном кресле мертвеца. А на страницах открытого блокнота, прямо поверх ее последних записей, медленно, сами собой, начали проявляться буквы, выведенные густой красной жидкостью, похожей на засохшие чернила:

«Диагноз: терминальная стадия любопытства. Лечение: полное переливание. Оставьте дверь в лабораторию открытой сегодня ночью. Мы придем за материалом лично».

Солнечный луч наконец прорвался сквозь облака и упал на окно библиотеки. Кошмар отпустил. Мышцы ожили. Дарья судорожно вдохнула воздух, давясь собственным криком, который застрял в горле.

Она была одна. Дэвид мирно похрапывал на диване.

Дарья медленно, неверяще повернула голову к столу. Блокнот лежал закрытым. На дешевой картонной обложке не было никаких надписей.

Она протянула дрожащую руку и открыла первую страницу. Титульный лист.

Ее собственные записи начинались со вчерашнего дня. Аккуратные строчки. Хроника событий.

Но перед ними, на самом первом, чистом листе, которого вчера еще не было, каллиграфическим почерком Элайджи Торнхилла было выведено посвящение:

«Моя дорогая правнучка Дарья. Добро пожаловать домой. Эксперимент вступает в финальную стадию. Надеюсь, тебе понравится твоя новая роль».

Глава 5. Исчезающий блокнот

Утро не принесло облегчения, лишь сменило качество ужаса. Если ночь была наполнена активными действиями — шагами, пением, физическим присутствием теней, — то утро Торнхилл-холла встретило их вязким, удушливым ощущением стороннего наблюдения. Дом вел себя как сытая кошка, играющая с полумертвой мышью: он позволил им поспать четыре часа, переваривая увиденное в подвале и шок от сомнамбулизма Дэвида.

Солнечный свет казался фальшивым. Пробиваясь сквозь вековую грязь на стеклах библиотеки, он окрашивал комнату в цвет старой мочи, делая тени гуще и плотнее. Дэвид сидел за столом, механически пережевывая холодный консервированный бекон прямо из банки. Его челюсть двигалась ритмично, но взгляд был пуст. Он смотрел на дубовые панели обшивки, словно пытался найти там решение сложной инженерной задачи.

Дарья не ела. Она стояла у окна, прижавшись лбом к ледяному стеклу, глядя на верхушки сосен. Ее мозг работал на предельных оборотах, пытаясь систематизировать хаос. Переход от акустических феноменов к тактильным означал эскалацию. А письмо на первом листе блокнота переводило конфликт из категории «случайная паранормальная активность» в категорию «адресное преследование».

— Нам нужен бензин для генератора, — произнес Дэвид, не поворачивая головы. — Солярки осталось километров на десять работы двигателя. Если мы останемся без света сегодня ночью... — Мы не останемся, — перебила Дарья. Она отошла от окна и села напротив мужа. Между ними лежал открытый медицинский грессбук Элайджи. — Я перечитывала записи о детях всю ночь. Пока ты спал. Паттерн очевиден. Ему были нужны не просто тела. Ему нужны были сосуды определенного типа. У Анны-Марии врожденная нечувствительность к боли. У Себастьяна — преждевременное окостенение черепных швов. Он искал аномалии. Мутации. — К чему ты ведешь? — Дэвид наконец посмотрел на нее. Его глаза покраснели от лопнувших капилляров. — К тому, что я тоже мутация, — спокойно сказала Дарья. — Моя мать, его двоюродная внучка, страдала тяжелой формой сомнамбулизма. Она ходила по крышам. Умерла во сне, захлебнувшись собственной слюной. Эпилепсия, лунатизм, повышенная сенсорная чувствительность — это все наследственное. И оно идет по этой линии крови. Элайджа знал, кого приглашает. Он оставил дом не случайному человеку. Он оставил его катализатору.

Дэвид медленно положил вилку. Звук металла о фарфор прозвучал в тишине кабинета как выстрел. — То есть этот склеп внизу... он ждал именно тебя? — Нас, — поправила она. — Ты мой муж. По законам генетики ты теперь часть эксперимента. Твоя нервная система адаптируется к фону дома. Вчера ты душил сам себя. Сегодня утром твои зрачки расширены даже на свету. Ты чувствуешь запахи, которых нет?

Дэвид приняхался. Его ноздри затрепетали. — Формалин. Как всегда. И еще... озон. После грозы. — Нет, — Даррия покачала головой. — Это отголосок. Настоящий запах другой.

Она встала и прошла к камину. Наклонилась над медвежьей шкурой, брошенной перед огнем. Провела рукой по бурому меху. Затем резко поднесла пальцы к лицу Дэвида. — Белые цветы. Тубероза. Очень сладкий, почти тошнотворный аромат. Так пахло от той женщины в коридоре. От призрака со сшитыми глазами.

Дэвид отшатнулся, машинально вытирая щеку рукавом, хотя физически никакого запаха или прикосновения не было. — Галлюцинация? Совместная? — Обонятельная индукция, — Дарья вернулась к столу. — Они учатся обходить наши фильтры восприятия. Сначала звук. Потом зрение. Теперь обоняние. Следующий шаг — вкус. Не удивляйся, если кофе вдруг станет отдавать медью.

Она взяла карандаш, чтобы зафиксировать наблюдение, и замерла. Пальцы схватили пустоту. Блокнота, который она оставила открытым на странице с описанием подземного алтаря, на столе не было.

Поверхность дубовой столешницы была абсолютно чистой. Ни следа дешевой бумаги в линейку, ни отпечатка от кружки, которую Дэвид поставил рядом час назад. Только гладкое, навощенное дерево.

Сердце Дарьи пропустило удар. Это было невозможно. Физический объект весом в две-сти граммов не мог испариться из запертой комнаты, где они находились вдвоем. — Дэвид, — голос ее дрогнул впервые за эти дни. — Где книга? — Какая? — он поднял голову от чертежа фундамента. — Мой блокнот. Черный. Лежал здесь. Прямо посередине.

Дэвид оглядел кабинет. Заглянул под стол. Проверил кресло, в котором сидела жена. — Может, упала? Покатилась? — Куда? Стены сплошные. Пол ровный. Я не вставала до тех пор, пока не решила записать про туберозу. Я бы услышала звук падения.

Они перевернули кабинет вверх дном за пятнадцать минут. Для двух людей, находящихся на грани нервного истощения, это была спринтерская скорость паники. Выдвигались тяжелые ящики секретера, поднимались диванные подушки, простукивались книжные полки. Дэвид даже забрался на стремянку, чтобы проверить антресоли, забытые старыми бухгалтерскими книгами. — Его здесь нет, — констатировал Дэвид, тяжело дыша и опираясь о косяк двери. — Это уже не фокус с ключами. Ключи переместились внутри физического пространства. Блокнот покинул закрытую комнату. Нарушен закон сохранения массы. — Или кто-то научился проходить сквозь материю, — Дарья прислонилась к стене, чувствуя, как дрожат колени. — Оно взяло мою память. Мои протоколы защиты. Оно знает всё, что мы знаем.

Паника начала подступать к горлу холодным комом. Впервые за весь срок пребывания в доме Дарья почувствовала абсолютную, детскую беспомощность. Потеря блокнота была потерей оружия. Без фиксации событий разум неизбежно начнет давать сбои, растворяясь в безумии стен. — Спокойно, — Дэвид подошел и крепко взял ее за плечи, больно впиваясь пальцами в мышцы. — Думай. Логика. Кто берет улики? Тот, кто заинтересован в сокрытии преступления, или тот, кто хочет нам что-то показать? — Показать, — прошептала Дарья. — Всегда показывали. Кукла. Телефон. Портрет. Всё приносилось обратно. На видное место. — Значит, идем искать, — Дэвид отпустил ее. Лицо его снова стало жестким, собранным. — Начинаем снизу. Подвал — центр управления полетами этого борделя.

Спуск в подвал напоминал вход в легкие умирающего. Воздух стал густым, тяжелым, насыщенным миазмами разложения и химикатов. Свет мощных фонарей вяз в желтоватом тумане, поднимающемся от пола. Генератор наверху кашлянул и сбавил обороты — напряжение в сети падало.

Они методично осматривали стеллажи. Дэвид шел вдоль левой стены, проверяя ряды банок с плодами. Дарья двигалась справа, освещая углы между трубами отопления и кирпичной кладкой. — Здесь ничего, — голос Дэвида гулко отражался от сводов. — Только мертвые дети в формалине. Офигенная компания для пропавшего дневника. — Тише, — оборвала его Дарья. — Слышишь?

Гул котла изменился. Низкая, басовая вибрация, которая обычно успокаивала (дом дышит, сердце бьется), стала прерывистой. Словно гигантский орган пропускал воздух через поврежденные трубы. Ритм был рваным, аритмичным. Фибрилляция.

И поверх этого гула появился новый звук. Тихий, сухой шелест. Бумага терлась о бумагу. Шуршание переворачиваемых страниц. Звук раздавался из-за штабеля старых ящиков возле задней стены. Из того самого места, где вчера обнаружился пролом в костяную комнату.

Дэвид перехватил бейсбольную биту. Дарья подняла фонарь выше. Луч света прорезал пыльный мрак, высвечивая высокую фигуру, склонившуюся над чем-то на полу. Это был Элайджа Первый.

Он выглядел точно так же, как на портрете до трансформации: суровый старик в темно-синем сюртуке, с тяжелыми бакенбардами. Но сейчас он был трехмерным. Плотным. Свет фонаря отбрасывал от него длинную, искаженную тень на стену. Старик стоял спиной к ним, полностью поглощенный чтением. В руках он держал черный картонный переплет.

Их блокнот.

Элайджа медленно повернул голову на звук шагов. Его лицо не выражало никаких эмоций, кроме легкого раздражения, которое испытывает ученый, которого отвлекли от важного исследования во время пиковых показателей. — Оставьте нас, — сказал дед голосом сухим и скрипучим, как старая бумага. — Эксперимент требует концентрации. Субъекты излишне суетливы.

Дэвид издал низкий горловой рык и бросился вперед, занося биту для удара. — Положи книгу, мертвечина!

Старик даже не пошевелился. Когда бита должна была опуститься ему на плечо, фигура Элайджи пошла рябью, как изображение плохого телеканала, и рассыпалась облаком серой пыли. Пыль оседала медленно, покрывая ботинки Дэвида тонким слоем пепла.

А блокнот остался лежать на полу. Он упал раскрытой обложкой вверх.

Даррия метнулась к нему, упав на колени прямо на грязный бетон. Руки дрожали так сильно, что луч фонаря плясал по строчкам. Верхняя часть страницы была заполнена ее собственным почерком. Запись об аудиальном феномене №6 заканчивалась ровно на том месте, где она потеряла сознание в кресле: *«...нежно гладит ее волосы. Глаза были открыты...»*

Но ниже, под жирной чертой, проведенной красным карандашом, начинался чужой текст. Почерк был тем самым, каллиграфическим, с завитками, которым были подписаны медицинские карты детей. Однако нажим был иным — яростным, царапающим бумагу, продавливающим ее насквозь до стола.

Текст гласил: *[Приложение к делу № 421 (Дарья Торнхилл-Миллер)] [Статус: Несанкционированное вмешательство.] [Заключение комиссии: Попытка объективизации явлений классифицируется как активное сопротивление ткани мироздания данного сектора. Использование логики против Абсолюта неэффективно и оскорбительно.] [Предписание:] [Уходите.]*

В конце стояла подпись, выведенная с такой силой, что чернила (хотя откуда на заброшенном чердаке взяться свежим чернилам?) пропитали страницу на обратную сторону: *«Твой любящий дед, Элайджа»*.

Ниже подписи красными, блестящими каплями расплывалось нечто, похожее на засохший воск. Дарья осторожно коснулась пальцем одной капли. Палец окрасился в густой багровый цвет. Кровь. Свежая, артериальная кровь. И она пахла сладкими белыми цветами — туберозой.

— Что там написано? — Дэвид тяжело дышал позади нее. Агрессия схлынула, оставив после себя липкий ужас. Он видел фантом, прошел сквозь него, и понимание физической уязвимости сломило его волю быстрее, чем любые голоса. — Просьба покинуть помещение, — глухо ответила Дарья, закрывая блокнот. Картонная обложка обожгла пальцы холодом. — Официальный приказ об эвакуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.